

«Рандеву» в Гаване

В седьмой раз режиссер Сидней Поллак берет в соучастники актера Роберта Рэдфорда. И вот, пожалуйста, результат: фильм «Гавана» — история, приправленная романтизмом, и, как водится у Сиднея Поллака, чуть-чуть старомодна. Но не лишена приключенческой остроты. Есть в картине и знойные пейзажи Кубы, и популярные в ней игорные дома, и чудесные женщины, и революция, как и всякая ей подобная, завоеванная кровью. Подробнее об этом можно узнать из беседы французского журналиста Гиля Анкюти и самого режиссера.

— Вы стали последним из Могикан Голливуда. Ваш новый фильм «Гавана» вряд ли может рассчитывать на шумный успех у американцев. Вы рискуете, не так ли?

— Уже рискнул. Американцы в большинстве своем картину не приняли. Впрочем, я и не обольщался. Американскую публику в равной степени отгалкивают и монотонность, и романтизм, и избыток политических страстей. Но я доволен собой, как может быть доволен режиссер, сделавший то, что он хотел. А я давно мечтал возродить традиции романтизма. Ах, эти безвозвратные 50-е, в которых мы с Рэдфордом остались молодыми. Ах, эти голливудские фильмы, где герои были так таинственны и так молчаливы. Они совершали героические и чистые поступки, не ведая о том, что совершают. Мне хотелось возврата к прошлому.

— Вы долго вынашивали замысел «Гаваны»?

— Да, думаю, лет четырнадцать. Не только, однако, вынашивал. Я начинал писать сценарий, бросал, уходя с головой в съемки нового фильма, затем опять возвращался к начатому. И по пятам за мной ходил мой главный персонаж — Жак. Профессиональный игрок, которому любовь к женщине открыла глаза на правду жизни.

— О, это константа, привычная для ваших фильмов: любовь к женщине. Она, и только она открывает герою глаза на правду жизни. Вы не желаете поступиться этой истиной?

— Ни в коем случае. Но в последней моей картине я все же больше интересовался главным героем. Ведь это седьмой фильм с участием Роберта Рэдфорда. И любопытная деталь: он все время играет одного и того же человека, любящего до безумия независимость и считающего невероятной обузой жизнь, которой живут многие его современники. Привлекательный для меня типаж.

— И все же этот профессиональный игрок, знающий блестяще правила игры за карточным столом и в жизни, не смеет ни разу их нарушить. Иными словами,

будучи всегда в состоянии риска, не рискует. И только опять-таки благодаря женщине...

— Я понял вас. Да, так оно и есть. Он слишком романтичен, чтобы в одиночку одолеть правду жизни. Вы понимаете меня? Любовь женщины помогает ему, отрешившись от реальной жизни, растворившись в собственном чувстве, вдруг из глубин этого чувства увидеть реальную жизнь как внезапное откровение. И все же он слишком романтичен, чтобы использовать это откровение в корыстных целях. Он любит, но лишь для себя, не из каких-либо, пусть и необходимых ему расчетов. Любит, наслаждаясь ее душой и ее телом. Такую роскошь могут позволить себе лишь немногие. Очень немногие. И тем не менее такой человек, не будучи в состоянии разделить революционную страсть своей подруги, принимает революцию совершенно искренне. Ради любви к этой женщине. Это подлинное благородство.

— Но в таком безоговорочном принятии нового веяния есть некий инфантилизм.

— А я и не отрицаю подобной истины. Мой персонаж списан с женщины. Но это тоже форма достоверности, которой я не брезгую в своем творчестве. И это мое дело. Если бы все люди были одинаковыми, мир бы давно рухнул.

— Вы наполовину американец, наполовину европеец. Кем вы сами себя считаете?

— Вы знаете, я родился на Среднем Западе, в Америке, в самой культурной части страны, одолеваемой бесконечно-преlestными софизмами. В семнадцать лет я впервые приехал в Нью-Йорк и был в шоке. И чувство шока от настоящей Америки все еще немного не прошло. И хотя я очень люблю эту страну, я предпочитаю, чтобы меня любили, например, во Франции. Иной уровень культуры. Более привычный мне, что ли. Если в Америке меня интервьюирует журналист, то разговор все больше идет о конкретном фильме, о том, что я собираюсь делать. Во Франции же людей интересует мое творчество вообще, мое настроение, ход моих мыслей. Это очень по-европейски. Америка — страна экономических высот, и этим объясняются все ее интересы и пристрастия. Фильмы — все больше ради денег. А искусство где-то так, рядом. Если бы не Европа, кто бы узнал в Америке о гении Армстронга или Китона? Наша страна никогда не открывает никого для мира, только для своего «внутреннего пользования». И европейцев в Америке тоже не очень жалуют. Так что «Гавана», не пользующаяся успехом на собственной родине, это не фиаско. Вы меня понимаете?

Поллак С.

В. 5078

212